

64

Текст магнитофонной записки
В. Игрунова и Г. Павловского.
17 апреля 1984 г., Одесса.

ИГРУНОВ: Вернемся к вчерашней проблеме. Мы говорили о том, что разговор о Компромиссе исчерпал себя, все это бессмысленно. Компромисс дискредитирован во всех отношениях.

Призыв найти какой-то общий язык с государством полностью дискредитировал себя в той среде, в которой мы обрабатывались - это раз. Во-вторых, он вызвал отрицательное отношение со стороны государства, как какое-то неконтролируемое течение мысли.

С третьей стороны, есть и противоположная тенденция: мы лично в каком-то смысле от этого выиграли. Т.е. те люди, которые предлагали этот компромисс...

ПАВЛОВСКИЙ: ...Вызвал отрицательную реакцию.

И: Безусловно. Вызвал отрицательную реакцию, они сами тем не менее кое что из этого приобрели.

Твоя судьба, в общем-то сплоская после "Пенсков", - Сокирко, и вот: благоденствующий я. - Тем не менее, склад моего мышления и моего характера таков, что я могу раба т а т ь только в том случае, если перед моими глазами есть какал-то у т о н и я.

...Рассинались одни утопии, но взамен их возникали другие. Собственно говоря, возникновение новых утопий у меня всякий раз приводило к уничтожению старых, а не наоборот. - Одна утопия вытесняла другую.

После разрушения идеи Компромисса, как я себе ее представлял, и передо мной - пустое поле, у меня кривт блажи ... Мне снова нужно делать выбор, мне нужно приобретать утопии: утопии н е т .

Когда я говорил о Компромиссе, я приблизительно представлял себе, что я собираюсь делать, как я намерен существовать... В настоящий день все предположения Компромисса уничтожены.

Правда, когда мы говорили о Компромиссе, была и такая цель: нам нужно чтобы государство, оставаясь стабильным, позволило нам быть собой, т.е. сохранить свои убеждения. - Притом что я лежён, я сохраняю свой образ мысли, и сохраняю свое право читать любую литературу, знакомиться с любой информацией... общаться с любыми своими друзьями, будь то Сахаров, Богораз ... Другими словами: уровень Компромисса предполагал сохранение самих себя как мыслящих существ.

- Не конформизм, не адаптация путем отказа от себя, а - наше признание лояльной позиции и "их" согласие на то, что при этом мы можем оставаться кем угодно.

И: И все же это были утопии? Не в оценочном, а в строгом смысле?..

И: Отчасти - да. Скорее всего, да, хотя я и добивался этой цели.

Фактически, я рассчитывал на то, что за мной останется багаж Движения - т.е. всеобщие отказы, за которые мы приобретаем право жить в этой стране и работать в этой структуре. Но этот багаж, который должен был быть нашим исходным материалом, - разрушен, и разрушен безо всякого плода нам.

Нам личный итог заключается в том, что мы, в каком-то смысле принадлежа к этому Движению, для себя персонально открыли ту возможность, которая...

И: ...Которую мы закрыли для других.

И: Да, она теперь закрыта для других. И я не вижу перед собой дальнейших путей.

В каком-то смысле, мы социализированы. Я, например, работаю в той

структуре, куда я стремился. - Поступить на работу, закончить институт и делать карьеру, - и чему я еще стремился?.. Это предпосылка работы, предпосылка Компромисса. Для меня лично он начал осуществляться.

Лично для меня задача решена. Но, поскольку она полностью закрыта для других, сам смысл Компромисса исчез, и о нем дальше говорить нечего. - Что же дальше? Какова цель моей деятельности? - Просто социализироваться означало бы духовную смерть... да и не по характеру.

...Где поле моей работы? И где - твоё? Я не уверен, не зная, существуют ли для тебя эти проблемы. Обычно тебя волновало более злободневное; ты хотел выяснить те или иные вещи прежде чем строить утопию.

У меня утопия и р е д и е с т в у е т анализу. Произведя анализ, я ориентируюсь на нее. - У тебя происходит наоборот: сперва ситуация, а потом... - Стремил ли ты утопии? мне трудно сказать.

П : На деле я вполне "утопический человек", утопия для меня - необходимое условие деятельности. Но я понимаю, из-за чего ты в этом сомневаешься. В период, о котором ты говоришь, такой рабочей утопией, исключавшей потребность в себе, личной - было само диссидентство.

И : Я не очень это себе представляю...

П : С конца 1975го, собственно, вскоре после твоего ареста, Движение превратилось для меня в такую живую, фактическую утопию, заменив в этой роли марксизм. Оно снимало с меня груз вопросов, типа - на какой почве и шелье, ради чего мы действуем... Предполагаю, что эти вопросы уже "решены". Решение таково: я, внутри диссидентства, как его критик.

Критика называлась отвергалась, как аморальная. Находилась внутри Движения, и при этом его критикуя, и мог разрешить себе раздеться его ухватки, его злобу дня, его максимализм.

И : Но ты же постоянно отделил себя от Движения: всякие там "Почему я не диссидент" и ШИП и т.п. - Сомневался, чтобы твой максимализм мог быть назван нравственным. Он шел скорее всего от марксизма, а не от Движения; как стремление обосновывать некоторые вещи теоретически. - Нравственность иррациональна, а у тебя она шла от головы: вопросы об идеалах, о будущем человечества... Я не говорю о твоей личной жизни, это совсем другое дело.

П : ...Я соглашусь с тобой в одном: до 1981 года вопрос о проекте, о необходимости для меня личного проекта - не стоял. Летом 1981го года, в разгар разурнения прежних установок, их перестройки, у меня впервые появляется некий утопический проект, и я это осознал.

...Ты помнишь, это связано с работой Печчен, Римским клубом, его глобалистикой - и вдруг открывшимся во мне вкусом к п о л и т и ч е с к о й стороне всего, что мы делаем. "Диссидентство и политика" - эта тема прежде меня не интересовала. - Тут вдруг все изменилось...

И : ...И именно с Печчен ...

П : При чем здесь, в сущности, Печчен?

И : Но именно после этого начались твои разговоры о политике. И не от тебя я впервые услышал, а от твоих друзей, с возмущением говоривших о твоей "политизации".

П : Печчен меня поразил догадкой - что в совершенно беспросветной ситуации /как раз такой, как была моя личная в дни, когда я на него набрел/, и при этом имея своих сотрудниками людей, чужих тебе по духу, с нездоровым на твой взгляд идеалами - можно искать путей, чтобы совместно

З : ставить цели и вести работу, чтобы этих целей достигнуть.
Во-вторых, установка инициаторов Римского клуба мне оказалась страшно близка - что работать наде во в о и к о м случае и в л в б и ж условиях, а условия у нас могут быть только...

И : ...Принципи лягушки в сметане. Петччей рассматривает совершенно безнадежную мировую ситуацию.

П : Да ! - Примерно так: ситуация безнадежна, ребята, давайте действовать !

Этот "деловой пессимизм" глобалистов я проецировал на нашу внутреннюю ситуацию. Движение было моим "глобусом". Действующее лицо м о е й глобалистики - диссидент на руинах Движения.

Тогда и встает проблема государства, взаимоотношений с государством, существующим независимо от нас... - Как образ мыслей, это живо для меня до сих пор, ты знаешь; как стиль поведения - это кончилось 1982м годом.

- Потому что моя "утопия" была наполовину утопией, а наполовину - и и т р и г о й . Едва возникнув утопия и не пытаюсь тут же использовать, соединить с прагматикой: напрямую, немедленно и тут же !

Результатом была интрижка. Теперь мне это кажется худшей из моих ошибок..

И : Например, письма в защиту Темецкийского..?

П : Нет, не это; а моя предпринимательская деятельность среди осколков разбитого Движения.

И : ...Ну, здесь насчет интриги я готов согласиться... но как это связано с утопией? - Допустим, есть Движение...

П : Его нет. В первую очередь, есть государство: огромная, весьма сложная машина, которая однако плохо работает. И есть те, что еще оставалось тогда от Движения - чем не потенциальная и р и с т р о й к а к государству, как я тогда сказал бы - "дополнительный контур"? - Свою задачу я и находил в том, чтобы превратить Движение в такую пристройку к государству...

И : ...Чтобы оптимизировать его работу? Но мне непонятно, как это делается...

П : ...Очень просто, как мне казалось ! Но для моих планов - так же, как для твоей утопии - мне необходимо было р а б о т а в щ е д е й с т в у ю щ е е Д в и ж е н и е . Меня не устраивало то, что оно кончается ! Во всяком случае, следовало его активизировать, попутно заменив его прежнюю утопию - на мою "конструктивную". Традиционный диссидент не мог, разумеется, быть пристроен к государству - для этого он должен был стать политиком и прагматиком. Соединяя эти несоединимые цели, тут уж мне пришлось идти даже не на интриги, а... имитацию... даже просто - мистификации !

И : ...За которые ты и принялся !

П : Да, тогда же. Поскольку моя утопия была так близка и интрига, а мои цели выходили за всякие рамки дозволенного и государством, и моими диссидентами - я должен был скрывать главные моменты имевшегося у меня плана, и ни более всего скрывать, что я являюсь единственным носителем этого плана, что ниточки из разных мест тинутся ко мне ! ...Пойми это диссиденты, меня бы смешили с грязью, а узнай только государство, меня бы стерли в порошок. - Так и стал мистификатором.

22

И : ...Ну, вычислять тебя, положим, вычисляли многие... А персона-
фикации своих утений - обычная вещь. Я тоже персонафицировал, собой все
И свои утении. Я, как действующая фигура - центр своих утений.

И : Это естественно. Это приходится учитывать и вносить на это по-
правку. - Не я-то этого не делал... и притом лихорадочно искал
"входы", места подключения в государству, ... "нужных" людей, ... В общем,
то, что я делал, сегодня не назовешь даже социализацией, а тогда и
нагло именовал это - "инкорпорацией".

Назовем ведь своими именами: я искал д е с т у н а р коридоры : И
власти, даже если ради этого придется кое-чем пожертвовать. Чем именно?
и тогда не хотел уточнять, но как бы наперед "был готов"...

И : ..."Не знаю, к чему, но готов"!

И : Да, именно так. И эта априорная готовность жертвовать не толь-
ко предшествовала способности "инкорпорироваться", но сильно, сильно
ее превосходила.

И : Не думаешь ли ты, что это-то и сыграло большую роль в случившемся
немножко позже, в 1982-83 гг.?

И : ...Важнейшую. К тому и веду, и неприемлемым в тогдашних
своих делах считав эту вот попытку пречесть политически то, что полити-
чески не пречитывалось.

На самом деле, поворот 1981 года назрел давно. И устал жить во внут-
ренней разрухе, наступившей после конца "Доксков". - Но я сам не понял,
на что я набрал, куда поворачивать, и у меня не было языка, на котором
я смог бы говорить об этом с самим собой честно. В новых идеях я уви-
дел практически возможности, и ухватился за эту прагматику.

Конечно, то был утопический прагматизм.
Утения оптимальности при сохранении нетленными...

И : ...Идеалов...

И : Идеалов? я боюсь этого слова, как огня!

И : ...Проекта...?

И : Личностей! - Главным для меня была достигнутая в Движении
степень нравственного развития, личной независимости. - Особенно
последней, вот она-то и должна быть сохранена. еи ни за что нельзя
поступаться.

И : В таком случае, я не понимаю, что это значило бы реально?

И : Убеждение мое было в следующем: что я, как и люди Движения
вообще - идя на любые компромиссы, даже просто на сделки - не
с м о ж е м себе потерять, что мы на это престо уже н е с н о
с о б и м . - Слишком далеко залло развитие личности, "индивидуализа-
ция", независимость стала привычкой.

Что было прежде, в 50-х годах? в 60-х? "покаявшийся" человек авто-
матически прекращался как личность даже в собственных глазах. Он
уже никогда не мог восстановить свое достоинство. - А в 70-е наме-
чается сдвиг и необратимости личных начал: ты не можешь от них ни-
как избавиться, даже смеяв себя с грязью. - Не выйдет!

...Таким образом тогда, в частности, под впечатлением "варианта
Секирки".

И : И думаю, что, чем ты говоришь, превосходит не в порядке разви-
тия личности, а на фоне пути к тому потенциалу, который достигнут

И поднимает человека из аморфной массы.

Иными словами, я связывал это никак не с развитием, а скорее со стремительно падающим потенциалом. - Если нравственное падение прекратится, то сейчас в Движении не хватает духовного потенциала, чтобы держаться на расстоянии...

Правда, забота о дистанции также характеризовала средний уровень Движения - тех, кто боится утратить свою стойкость, свою чистоту. Когда люди обладают этой чистотой внутренне, они не боятся сблизиться с теми, кто "раскачался"...

И : Я говорил о самосознании отступников, а ты - об отношении к ним: это другое. Я не об общественном мнении говорил.

И : Понимаю тебя. Эти вещи очень связаны: самосознание здесь проходит через отражение в сознании окружающих. Оно - связанное, групповое: самооценка - итог оценок.

И : Это марксизм. - Чтобы дальше не говорить...

И : Ну... я хочу сказать, изменение внешней ситуации более определяет здесь личность, чем внутреннее развитие. Такая ситуация обратима, и она будет, по мере размытия Движения, вести к падению нравственного уровня. - Если не касаться отдельных людей, а говорить о среднем интеллигенте, я думаю, регресс неизбежен.

И : Приходя твой "социальный" подход, я бы стал говорить не просто об изменении фона Движения, но о перемене общественного фона. - Принадлежность к некоторой среде перестает измерять человека в собственных его глазах. Оказавшись вне среды и претерпев какие-то ломки - причем неизвестно, пойдет ли он потом вверх или вниз - он может остаться в составе человечества, но выйдя из "морального большинства"...

И : ...А прежде этого не могло быть. Оценка среды была столь категоричной, что создаваемый ею дискомфорт лишил возможности действовать, работать: сегодня этого дискомфорта нет.

Авторитет среды и нравственный потенциал оценки упали настолько низко, что дискомфорт недостаточен, чтобы выжить человека из толпы.

И : Итак, вернемся. - Частично свершившаяся Утечка лишила меня всякой перспективы. Я оказался оторван от всего, что я делал в последние 15 лет.

Поражение заключается в том, что я не знаю, что делать. Я по инерции двигаюсь в том, прежнем мире, по инерции я работаю, по инерции стараюсь поступить в институт, по инерции реализую то, что когда-то обещал себе. ... Но осознавать ценность этого? ее нет. Я не вижу даже простой возможности продолжения.

И : Да... Да, да, да. - Когда ты говоришь, "Компромисс потерпел поражение", считаешь ли ты, и ведь это так, что ты и сам потерпел поражение?

И : Да, да, да, я это очень хорошо чувствую. Для меня идея Компромисса связывалась с тем, что я сумел переменить ход Движения - и оно, оставаясь работавшим, сможет стать "пристройкой" к государству - именно в качестве себя самого. Где-то в начале 70х, в 73, 74м году я вдруг опутал, что это пребывает себе дорого: и тут, как раз на этом я был арестован. - Я отсутствовал, и вот... Вот "Память" - реализации в лучшем виде того, что я хотел: анализ самих себя, восстановление памяти, восстановление зрения - не просто деятельность, а деятель-

ность самонаблюдения... - Брех Другое: уже не стали так резко относиться к словам "сотрудничество", "Компромисс" - эта резкость пришла позднее, начиная с "Цейсков"...

И : Ду, не с "Цейсков" же! - Резкость могла усилиться при обстоятельствах прекращения "Цейсков" и всего, что случилось потом.

И : Еще в 1978 году я пришел в ярость, потому что был убежден, что издание "Цейсков" приведет к полному уничтожению готовившегося в Одессе "Альманаха", а потом к уничтожению самих "Цейсков". И эта первая реакция предопределила мою оценку "Цейсков".

Далее. Я беру в руки "Цейски"...

Идея Компромисса предполагала то, что всякое издание, нацеленное на Компромисс, в первую очередь не станет красной тряпкой для государства. - Как я формировал "Альманах"?

Я брал стихи украинцев: но ни в одном из них не было политических оттенков /и.б., что-то такое проблескивало в некоторых иными навязанных мне стихах - и те, я строго выбирал все, что можно было сделать чисто лирическим.

...Онить-таки, Галич. - Когда я помещал Галича, и не давал никаких политических оценок. Просто бытовой разговор человека. Человек о человеке в кругу друзей...

Дальше, Пемеранц: не публицистика, а философская статья... В таком вот направлении: без всяких раздражителей.

"Цейски" же обратились к процессам... к одному, другому... За тем статьи, прямо направленные на конфронтацию - параллельно, скажем, со статьями Сокирки... которые сами по себе не отработаны в духе Компромисса, и сами по себе для государства достаточно проблематичны... А они этигонались суровой публицистичностью остального материала.

...И даже стихи. Стихи "Цейсков" - скажем, тот же Серебров, или Витя Мекипелов. Даже когда мы переходим к литературе, она - по литически направлена: то, чего следовало избегать...

И : ...Следовало избегать с т в о е И точки зрения...

И : Да, вне всякого сомнения, с т в о е И точки зрения.

Более того, когда я мыслил себе всеобщее издание "Альманаха"... а оно бы преследовалось, поскольку всякое независимое издание будет преследоваться... то н и к а к и х материалов о преследовании в самом "Альманахе" я бы не допустил, их не должно быть категорически. - Пусть они будут где угодно: в "Дренике", в "Вестниках", в газетах...

"Цейски" пошли по другому пути.

И : Да, и сознательно.

И : Конечно сознательно. И это вызвало у меня крайнее сопоставление.

Затем мы стали в максимально резкую позицию, в позицию диссидентов - а у диссидентов есть и такая позиция, как компромисс... Но в начавшихся преследованиях вы не выдержали даже эту позицию.

Если б вы выдержали это сопоставление до конца - и бы привнес "Цейски". Но вы не выдержали, т.е. изначально "Цейски" делались же ми, кто и е м о г быть диссидентом. - Сокирко не мог быть диссидентом, ты не мог быть диссидентом... Один Валера и старики не решат. - Вот поведение Абрамкина "логическое продолжение "Цейсков", и к нему и этой претензии не предъявляю: потому что Валера - не человек Компромисса. Ему нужно было издавать журнал, ему нужно было поле деятельности? и он его нашел...

И : Я думаю, ты ошибаешься, включая Валеру в одну обойму с Петром Марковичем Егидесом...

И : ...Ни в коем случае, и этого не делаю!

П : ...А кто же тогда и диссидент, если Петр Маркович Егидес не диссидент ?

И : Я тебе скажу: диссидент - это Лариса Богераз...

П : ...Много же ты наберешь тогда диссидентов...

И : ...Это Великанова, - она научу не на почве Компромисса, но вполне способна его мыслить... или, в другом роде, Татьяна Сергеевна Ходорович...

П : Знаешь, Вячек, тогда: "Что такое легковой автомобиль? - Это кадиллак"

И : Нет, нет, нет. Глеб, это не совсем так. Но давай вернемся к оценке "Пенсков".

С одной стороны, они внесли раздражение: какой м.б. Компромисс, когда вы идете в суде над Гинзбургем? О каком Компромиссе речь, если вы идете это за границу? - Государство не готово к Компромиссу, значит, следовало его у б е д и т ь - и жертвами, с одной стороны, и сдержанностью, корректностью - с другой, - убедить, что это в принципе реальная вещь.

В то же время, "Пенски" ничего не дали среди диссидентов, уже не самим фактом своего издания, а послесловием: словом, процессами...

Еще когда не прошли ваши процессы, в Москве мне говорили вот что: да, Компромисс... правильно, очень хорошо, но вот какая странная вещь: все кто становился на путь Компромисса, кончали предательством

...И это еще до ваших процессов. - Надо было убедить Движение, людей, что это не так.

П : Вячек, ты будто не с нас говоришь. - Никто в "Пенсках" поначалу не ставил себе Компромисс целью. При создании журнала : ни понятия такого не было, ни словом не пользовались. Никого это в 1978-м году не интересовало, в том числе и Смирню, на которого ты ссылаешься. - Он пришел в "Пенски" с экономической дискуссией, в которой максимализму диссидентов он противопоставлял собственный максимализм "общественной выгоды"...

И : ...И я помню. Но дело в том, что я начинал работу именно с Компромисса... Да, для вас это было саморазвитием, допустим - но для меня это было разрушением идеи...

И : Что поделаешь? - Характерно, сегодня почти каждый из редакторов считает именно себя основоположником журнала... и каждый "прав", т.к. он-то и о м и н и т и л о том, что как раз в то время у него сложилась идея издания чего-то подобного, каждый к этому пришел от чего-то своего... Раиса Борисовна, я, Егидес... - И даже ты, не издававший "Пенсков", всегда относил себя к отцам-основателям...

И : ...А Валера Абрамкин? Он имеет очень большие основания. Когда я говорил с ним об "Альманахе", он мне прямо предложил: давай издавать вместе... Он сам был настроен на нечто вроде "Пенсков". Но я отстранил его, и сказал: подожди. Подожди, - мы начнем работать, а там посмотрим... Ибо для меня главное была идея Компромисса, а для Валеры - журнал. И начинал-то я не с "Альманаха", а сначала было заявление "Группы содействия культурному обмену"...

П : Для меня это абсолютно разные вещи. Видишь, каждый помнит свое... Это о чем-то говоря... Идея Группы вовсе не обсуждалась в том кругу, где готовился журнал. Переход от первого ко второму - факт своего сознания. "Пенски" - встреча людей, идущих из разных мест в разных направлениях.

И : ... Проект журнала я обсуждал и с тобой, и с Гейстером, и с Абрамкиным... А если бы не Раиса Борисовна Лерт, с ее опытом "XX-го века"?

И : Естественно. И если бы не Петр Маркович Егидес, с его импульсивностью...

В 1978-м году встретились люди, интеллектуально и характером предрасположенные к Компромиссу, отыскать этой идее - с людьми, обеспеченными более проектом общедиссидентского журнала и единством Движения, но не имеющими прямого отношения к Компромиссу.

"Поиски" оказались местом встречной инфильтрации этих несовместимых, кажется, проектов, и даже колебелей утопии Компромисса - но органом этой утопии журнал стать не мог, это его разрушало.

И : ...В общем-то, здесь сыграла решающую роль готовность издавать журнал. И это выдвинуло Абрамкина...

И : Тогда происходили и более парадоксальные вещи. - Если ты помнишь, я с 1972-го года отталкивался от Движения, писал "Почему я не диссидент" и т.п. Зато "Поиски" для меня стали способом покончить с сомнениями и сделать выбор, прямо шагнуть в Движение. - Но притом же я был полон ересей, и не хотел держать язык за зубами. Уже в момент сборки первого номера и, буквально в последнюю минуту, вставил внутрь его "Приглашение" - этноскившееся к совершенно другому, годичной давности проекту международного журнала интеллектуалов, и написанное Гейстером. - Выжидале это так, показывая: такое пойдет, ребята? - Да, вроде... лени. По ходу перепечатки подсократил кое-что отредактировал...

И : Патриархальные нравы! Гейстер мне сильно залезался на это...

И : Да, но в то же самое время "Поиски" - мой страстный роман с диссидентством, в его самой разудалой форме, неприце для работы на него. - Я, конечно, искал это место, но забавно, что нашел его - в редакции... журнала взаимопонимания... Думая, что противоречивым было и поведение других редакторов.

...А проблема Компромисса возникла и да позднее. Сперва - ситуационно; при обстоятельствах самопрекращения "Ломский" после ареста Валери. Ситуация нуждалась в концепции, поиски концепции отразились в составе последнего, восьмого номера "Поисков", собранного уже практически мною одним вокруг вопроса о Компромиссе... Туда попали и все предарестные блестящие работы Сокирко на эту тему, и статья Гейстера "Механизм"... но этот номер практически не получил распространения. Так что трудно сказать, что "Поиски" это нрав Компромисса, они так не воспринимались, для тогдашнего читателя это было скорее: диссидентство, вперед!

И : ...Так это и воспринималось. - А итог? Итог тот, что слово "компромисс" стало не только ругательством, но и престо насмешкой!

И : Да при чем тут "Поиски"? - Былто ни тогда, ни сейчас не связывает с "Поисками" мысль о Компромиссе. Ты навязываешь ее некоему журналу - и я сам прежде пребывал навязать, да не навязалось.

Кстати, имей в виду: когда говорят "Поиски", имеют в виду не журнал, а только судьи над нами. Вот судьи по "Поискам" - это реальность, а содержание журнала - это уже не реально.

И : Да... вся макулатура Движения перестала быть реальностью. Реально только поведение тех, кого судили. - Может быть, мое восприятие субъективно. Но когда я обсуждал "Поиски", в моей речи подспудно и явно, всегда звучала идея Компромисса. - И помню эти разговоры, как сейчас.

И : Увы, это осталось фактом твоей биографии.

У тебя есть некая "священная история того, что "было", как бы лич-
ный миф. И у каждого он есть. У меня тоже есть такая мифологическая
память, где я неизменно в центре всех событий...
Как я старался делать "Донск"? Я старался дать в журнале, с
одной стороны как бы химически чистые, крайние образцы диссидентско-
го максимализма /"диссидухи", как тогда уж поговаривали/, с другой
- наиболее скандальные, скабрёзные случаи критики диссидентства и
вообще всякого "еретичества" в Движении. - Мои собственные статьи
тех лет, замечу, довольно странная смесь того и другого, "диссидухи
со скепсисом... - И мыслила крайностями, и журнал окутимо одвигал
и шибке пределов. С Валерой, поэтому, мне было легче работать.

И : ...А кто были критики?"скабрёзные" было не слишком ярким.

И : Ну, крайностей старики не любили и сильно резали - приходи-
лось полагаться исключительно на "обычные" права редактора поме-
щать свои работы. Поэтому представителями ересей неизменно оказыва-
лись Сокирко и я; отчасти Гейстер...и Цеммеранц, которым не резались
перечить из уважения к их уму и личности... или были небольшие
материалы случайных авторов... поразительные записки Гедля Снега-
рева, которые, представь себе, тогда принимались за "разоблачение
КГБ" - и только потому были напечатаны...
А иногда приходилось самому высказываться из пальца: так, в отчаянии
от либеральных штампов, я однажды придумал "национал-большевизма
Н. Пеннрева" и написал от его имени статью в дискуссию о классике...

3.

И : Ладно, моя проблематика тебе ясна. Что нас объединяет
сейчас? Какова ситуация у тебя?

И : В период близости к активному диссидентству, когда и видел
в нем возможность работы, полноценной жизни, участия в общей жизни
страны - это было Утопия, Утопия рухнувшая. Как только она рухнула,
а это можно датировать 1980м годом - я оказался, по словам Бити и
Томачинского, "в глубокой жене"...

И : ...Собственно, мы все оказались в этом самом... глубоком
месте... Потому что для каждого из нас это Движение, и надежда,
и гибель ее - братская мерзля всех наших идей.

И : Я впервые испытал этот кошмар в конце года, после процессов,
после этого тягостного и для меня выхода Зити Сокирко из Бутырок.
...Тот идиллический кирич в окне, где судили Абрамкина: закусив
им, я впервые за много лет с и з в н е и с п у г а л с я .
...И испугался ареста, а больше всего, что в случае ареста из меня
ничего сейчас - тогда, в конце 1980-го - можно было вить веревки.
Лежа под стеной Месгерсуда, со сломанной ногой, и перебрал в себе
все, чем я внутренне расплакавал всего год спустя после "Донсков":
оказывается, и не располагал уже ничем, и н и ч е м .
Движение - было мое "все", и его распад, слепота, идиотизм звезды,
дрязги - а тут еще этот камень, делавший из меня пародия на терро-
риста... психология разжалованного, уничтожаемого, лишённого Утопии,
надежды... превращали меня в подонка. По ту сторону Утопии никакого
личного достоинства для меня не существовало. - И восстановление
его, восстановление личности, вообще способности мыслить началось
в 1981-м году поворотом к другой Утопии...

И : ...и Печен?

П : Да... к проекту "Движение-Государство", к идее "вечного сотрудничества" с государством, обеспечиваемого глобальными проблемами: выходом на мировой уровень, к геополитике...

Так или иначе, я вновь почувствовал, что и е г у действовать, не унизая свой мозг и не обманывая государство.

И тут же начал его обманывать. Но это было результатом ряда ошибок, за которые ответственность несет не конкуренция, а я.

И : Ты думаешь - ошибок? Я бы сказал - некоторых характерологических черт...

П : Думаю, не только это. - Соединить то, что я пытаюсь соединить, можно было только путем мистификаций. При тех обстоятельствах надвигающегося конца, при нежелании ничего видеть и ничего слышать, - в Движении должен был появиться интриган, и он появился. "Интрига выбрала меня". Но деинтриговать мне не дали.

Неудивительно, что в Бутирях, все это стало дымом, и я потерял всякий интерес к своим бесчисленным проектам и начинаниям 1981-82го. Они в моих глазах дискредитировали все это направление моих мыслей, побуждали отвернуться, и не доводить Утению до позиции. - Это окончилось полным разоружением и какой-то придурковатостью в Лублино. В последнее время я испытываю сильнейшую потребность освободиться, отделить себя от всех моих политических затей 1980-1982гг...

И : И ты можешь сделать это не в порядке какой-либо новой интриги?..

П : Да, да, и именно об этом...

И : ...в сознании того, что все это было действительно ошибочным? И существует в н у т р е н н я я потребность отказаться?

П : Да, от идеи совершенно конкретных предприятий, очень разного уровня исполнения, - начиная нелегальным изданием №8 "Цепсков" и о с л е уже объявленного их прекращения, и кончая придурью в Лублино. Я не делаю этого в форме "публичного заявления" по той единственной причине, что сейчас такие заявления не более чем смешны. Отсутствует...

И : ...аудитория?

П : Отсутствует "публика", и общий язык.

И : Кроме того, никаких само публичное заявление в таких условиях есть вид интриги - не для кого-то, а для тебя.

П : Отказываясь от несостоятельного синтеза прагматки и Утении, я совершаю необходимый для себя санитарно-гигиенический акт.

Отказ открывает для меня два возможных поприща, два направления, которыми я не могу не следовать - но которые сегодня абсолютно н е с о е д и м ы . Несоединимость - главное открытие, и за него заплатил крахом в Лублино.

...Раз уж ты ввел в наш разговор перегамо Утении, назову эти направления так: Утения и Семидеизация.

Первое для меня сегодня важнее всего, и здесь центральный оиит - пережитое мной крушение. Лублино для меня не прочерк. Здесь и узнал кое-что поинтереснее, чем из Печчи. - Глобалистский прагматизм предарестного года висел в пустоте, которую и наполнял эрзацами, подпитывая диссидентство своими проектами. Вотала другая проблема: как вести себя в условиях, где в с я к о е личное поведение бессмысленно? - Не давай лучше поговорим о практической стороне, она держать себя, работать... всякий раз находи какие-то реальные со-

терпимые для меня и для властей решения...

И : Ты хочешь сказать, что у тебя не существует устойчивой ситуации, устойчивого положения?..

П : Нет подходов к социализации, и нет никаких видов на социализацию в качестве себя самого.

И : ...Но как же...

П : Постой, это для меня серьезный вопрос. Я вижу, что в настоящий момент я, каков я есть - со своим прошлым, с открытым для меня опытом, со своей судьбой - безусловно, не могу быть социализирован.

И : ...В ссылке? Ты это имеешь в виду?

П : И в ссылке, и не в ссылке. - А если меня завтра выпустят, что изменится?

И : Ты хочешь сказать, что и о т путь социализации для тебя...

П : Неприемлем. - Да. Безусловно.

И : Объясни...

П : ...И это приводит нас к первому из несвязуемых условий задачи, я с него начал, но его труднее всего объяснить.

Сегодня я консерватор без тех начал, которые мог бы "консервировать". Я субъективный консерватор, если есть такие. - Я охранитель, а охранять мне кого? непосредственно мне нечего охранять.

Вокруг я нахожу разгул частного, группового и государственного нигилизма. Главной же опытной нигилизма и открыл в себе в Бутырках и Ляблино: имел ввиду мою крайне нигилистическую выходку с признанием вины. - Это было погрешение всего объективного, как личного так и общего - кетати, идеи Компромисса тот.

Я вел себя так, будто для меня ничто не обязательно, в том числе и собственная судьба до того. В этом смысле, поведение в Ляблино равнозначно камню в окне Мосгорсуда, что на Каланчевке.

...Ведь я ни виновным, ни невиновным себя считать не мог. Что было бы правдой в 1982 году? - Да, нахожу себя виновным и грешным, только виниться мне не перед кем: это и следовало бы попытаться обосновать, да я не пытался... Почему? почему я не смог быть честным? Это личное, конечно. Но сегодня оно мне "мешает править", как я Вите сказал.

Ляблино мешает мне социализировать себя. Стремление быть честным уведит меня сразу от обож "лагерей"...

И : - Но почему ты не можешь быть социализирован на мой манер? В чем здесь разница? Почему ты отвергаешь для себя возможность социализации с е и ч а с , и что это означает?..

П : Я-то не отвергаю. Я не только не отвергаю, я ишу и кочу ее. Но я не вижу для себя входа.

Твой путь... это как бы путь е т е р о ч е н и я и у т о - н и я , откладывания личности - на будущее...

И : ...То есть, мой путь - это потеря темна..? - Это безусловно.

П : Потеря темна... это все-таки симптом. Пахнет интригой. Вот в чем дело, Вячек, - снова пахнет интригой: вот устроился - а п о т е м ...

И : Ничего подобного. Само устроительство есть действие! И так же, как и ты, в какой-то момент были противопоставлены государству. - Даже не столько сами мы себя противопоставляли /хотя

инне действия - твое, мое, - были таковы, а государство нас, доволь-
но искусственно, противопоставляло себе.

Так или нет так, - задача состоит в слиянии. Не может ли быть это
слияние скачкообразным?

У тебя не было выработанной концепции сосуществования с государст-
вом, положили, у меня она была. Но - может ли государство доверять
мне?

...Я говорю о Компромиссе - но и "Поиски" говорили о Компромиссе!
"Поиски" делали то-то и то-то - наверное, те же стану делать и я?

Потому вся моя деятельность по социализации состояла в том, чтобы
не а г в а г о м наказать мою корректность, принятие мною
правил игры... Не "устраиваться, а там действовать", а:
путь м о е й социализации - это путь опыта, п у т ь д л я д р у г и х.

И : ...Сокирко номер Два .

И : Возможно, - Или...

И : Хорошо, - ты Первый ! - А Вата, тот - номер Два !!

И : Нет, в принципе - и с Сокирко согласен...

И : Идея вот эта общая у вас: мой личный опыт есть универсальный
путь.

И : Да, да; я не согласен только с тем, к а к он это делает. -
А идея такая же...

Когда меня арестовали, и на том временам занял м а к с и м а л ь -
н о экстремистскую позицию: т.е. вообще отказался с ними разговари-
вать и участвовать в следствии... То есть, не то, чтобы "и отказывался
давать показания на таком-то основании", а - и чертовой мавери все
разговоры, все это незаконно - я с вами не разговариваю, мы можем
поговорить о часе, да и то - не здесь...

Это была задача номер раз: доказать диссидентам, что идея Компро-
мисса с государством не является предательской идеей, что я не ищу здесь
личной выгоды и это не означает предательства.

Для меня пройти через предстоявший процесс, безразлично, чем он
закончится, пусть "семь пятых на пять", пусть пожушкой... но я д о л -
ж е н б и л и ш е его выдержать максимально.

И : В этом случае, - да, безусловно... Ты как бы обязан... это
сделать.

И : ...И с этим соседствовала другая идея: доказать государству,
что занимая такую, достаточно категоричную, твердую позицию, я не
становлюсь во враждебное отношение к нему, - что будучи тверд, и тем
не менее принимаю "правила игры". - Если я беру обязательства - и
их выдерживаю и перед Движением, и перед государством.
Никаких раскаяний не может быть - тем более, публичных... - Я стал
на такой путь? я взял какие-то обязательства? все.

...То же перед государством: я не подписываю никаких заявлений в
КГБ о том, что я не стану публиковаться на Западе. Не в беседе с
"товарищем" из КГБ я говорю, что н е с ч и т а ю для себя воз-
можными такие публикации. - Это уже обязательство перед государством!

И я ни в коем случае не могу это нарушить...

И : В таком случае непонятен отказ "подписывать". Это имеет ка-
кой-то деловой смысл, или принципиальный?

И : Конечно, практический. Здесь же у меня сложная ситуация, ты
пойми... Я хочу быть одинаково обязателен как для государства, так
и для диссидентов... корректен с теми и с теми...

...Так что, моя личная судьба, это не "устроимся, а там поглядим":
нет, это тоже поиск практических путей. Это тоже таканье ризом в неиз-
вестное. Это путь поиска, и достаточно, надо сказать, с л е н о г о

и о и с к а . - Например, устройство на завод было для меня практи-
ческой ошибкой. Меня об этом, кстати, диссиденты предупреждали, что я
слишком разочаруюсь... но ничего другого никто не мог предложить, и
все приходило к тому, что непробовать надо.

Зате сегодня мой стартовый уровень - если сравнить с тем, что было
пятидесяти года назад - несравненно выше. И в то же время, я обсуждаю с
кем хочу, лично и в переписке, как вот с тобой - все, что меня интере-
сует, остаюсь самими собой - и мне никто не мешает, не преследует.

И : ...И прекрасно, я очень рад за тебя.

И : ...В то время, как раньше я не мог ни работать, ни учиться.
Какая-то предварительная стадия Компромисса, для себя лично, достиг-
нута. - И не исключая, что моя личная жизнь - и и твоя, и Сокирко -
тщательно изучается, и на основании этого принимаются меры к разло-
жению Движения... То есть, наш опыт - это опыт и поощрения таких,
"декадентских" настроений в Движении. - В то же время, мой частный :
опыт становится достоянием государства, как социально-значимый образец

И : Если кто-то хочет унаследовать, это его личный грех. Никакой пример
не может иметь разлагающей силы, независимой от воли человека.

И : Дело в том, что государство, как и полиция, делает в первую
очередь именно такую попытку использовать наше поведение. И потом
уже - что для нас такое существование допустимо...

И : А тебе не кажется, что это может оказаться фатально для...?

И : ...Для Движения?

И : Нет. Это не может быть фатальным для движения в рамках твоей
концепции "личная судьба как образец"...

И : Здесь, кстати, мы с Сокирко близки...

И : ...Но это гибельно для тех, наиболее глубоких измерений
ситуации, которые ты же сам назвал утопией. Так сказать, для "утопи-
ческого компонента" твоей деятельности...

И : Думаю, что нет.

И : ...Что это мистификация на историческом уровне... самообман..

И : Нет. Возьми аналогичный столетней давности. Меня можно аналого-
зреть с либералами того времени, против народников, революционе-
ров. - Сталкивался с такими, как и, государство как бы примиряется с
существованием "малого" крыла оппозиции.

В нашей проблеме, в нашем варианте она тоже существует, эта параллель.
И думаю, что это играет какую-то роль и для Утопии, ведь в свое время
либерализм сыграл значительную роль в эволюции России... Если для
массы людей позиция свободы как противостояния невозможно, то в ли-
беральной трактовке... она может объединить значительное количество
людей...

И : ...Для чего, собственно говоря?

И : Конечно, государственная прагматизм должен вести к тому,
чтобы мысли этих людей использовались. - Я уверен, что это возможно.
Вот и, например: чего бы я хотел? Скажем - организовать лабо-
раторию акционерной оптимизации...

И : ...Этакая небольшая, частная лаборатория...

- И : Зачем частная? При Институте народного хозяйства.
- П : А-а... таких по Союзу лабораторий - как собак нерезаных..
- И : Но при заведомом знании, что я - диссидент... в прошлом... или там в настоящем.. то есть, что я не вполне "такой". - Далее, я сам себе набираю штат...
- П : В таком случае, твоя лаборатория - при КГБ.
- И : Ну...
- П : Вичек, называй вещи их именами. - Т а к а я лаборатория, как ты хочешь...
- И : ...Ну, пусть при КГБ. - В качестве диссидента...
- П : В качестве диссидента, - только при КГБ ?
- И : ...Только при КГБ. - Да, не при этом с сохранением своего собственного лица... И, конечно, формально это будет не при КГБ: он при институте...
- П : ..Донятно, понятно.
- И : Пусть - закрытая лаборатория. С экспериментальной базой - пара колхозов...
- П : Весь, это уже скатывание к интриге..
- И : Это не интрига. Любой какой-нибудь Вирман, прокатывая свои идеи экономической реформы, имея себе плацдарм для экспериментов. Я тоже просчитываю какие-то элементы реформы, и тоже должен иметь плацдарм.
- П : ...Интересно, чувствуешь ли ты здесь, говоря об этих вопросах, очень тонкую грань... или даже не грань, а м е м б р а н у между собой - и теми, кого Сокирко обычно называет "либералами-западниками": людьми наподобие Вирмана, Аганбегяна... Т.е. либералами, работающими в системе, не испытывая нужды как-то деполюмироваться, не говоря уж о какой бы то ни было прикосновенности к Движению...?
- И : ...То есть, они не испытывают потребности в независимой мысли? Они независимы сами по себе... а для меня необходима коллективная независимость.
- П : Хорошо, спрешу по-другому. - Тот факт, что де сих пор ты принадлежишь к Движению - просто биографическое обстоятельство, в которое ты вынужден обмениваться на какие-то новые возможности?
- Не изменяя принципам, идеалам и целям - оставайся самим собой - и тем не менее... проиллюстрируй обмен в а с е н ь е м на статус в государстве?..
- И : Не "обмениваю на статус". - Я им обусловил - в обмен на статус.
- П : ...А почему ты против термина "обмен"? он точнее. Ведь не будь у тебя такого вот, крамольного прошлого, был бы ты "персоной"? Мог бы ты помышлять о "наре колхозов", рассчитывать на независимый статус?..

- И : ... То есть, не будь у меня этого прошлого, я не мог бы добиться и этого статуса? правильно.
 Но это не обмен. Это стремительство личного "...но!"
- П : Не будь у тебя рубля, ты не купишь бы товара.
- И : Да, но рубль я отдаю - а своего и своего я не отдаю! ...
 Я оставлю его за собой.
- П : Снять-таки, и не говорить про измену - не про обмен. Меня крайне заинтересовал этот способ: получить ничего не отдавая. В чем секрет этого твоего "про-лого-мембраны" - через которую ты проникаешь в систему, становишься одним из "них"... делая при этом встречное движение невозможным, закрывая путь "сверху вниз"...
- И : Я принимаю твой пример, но...
 Между мной и "ими" нет мембраны.
 Я есть мембрана между ними и диссидентами.
- П : ...А тут всегда была форточка, или даже окно. - "Они" не считывали самиздат, а Движение вспоминало о "них", когда надо было указать на "негативные тенденции" системы...
- И : ...Окно это не фильтр, это канал: передача туда-сюда ...
 а я говорю именно о ф и л ь т р е.
 Я х о ч у б и т ь ф и л ь т р о м , пропускающим только и д е и... В общем, как не называй - этот механизм работоспособен. Утопия - то, ради чего работа ведется, а этот механизм работает. Хотя и он в определенном смысле "утопия", т.к. технические моменты для нас тоже утопичны... Не требуй, реализуй - чем не утопия? ... Не требуй реализовать ...
- П : В таком смысле деструктивнее твое жилище тоже утопия...
- И : Без всяких сомнений! утопия технического плана...
 Что касается большой Утопии, Глеб... Большая Утопия в черни-
 как у меня есть - это то, что я называю В о л ь ш е й К о м -
 п р о м и с с е . Он предполагает изменение фундаментальных основ нашей цивилизации как таковой.
 У меня эта Утопия есть.
- П : Фиксируй твое утверждение: она в т е б е есть... В тебе присутствует эта идея...
- И : ...Да, правильно.
- П : ...а делаешь ты то-то и то-то: вот, деструктивнее дом, готовишься восстановиться в институте...
- И : Утопия это проект, это черновик. Мало того, что его надо прорисовать, его необходимо и реализовать. - Вот для прорисовки и для реализации этой Утопии необходим технический механизм, которого нет и я даже не знаю, как и чему подступиться...
- П : Ты меня заверяешь, что вот эти твои действия находятся в связи с т а ю й - то Утопией... но соединятся эти два плана только твоим завершением, больше ничем. А ведь весь вопрос и заключается в том, как их соединить, как согласовать в личной судьбе. Ведь в том, что наши поступки могут обосновываться и так, и иначе, и как угодно.
- И : Не считай из этого фактор моего существования: я - живу, и я же - работаю, действую. И сразу и тот, и другой...

П : ...Ну, и это тоже смахивает на завершение, Вячек. - Кстати, ты помнишь, конечно, про такой социальный типаж рубежа 60х-70х - "новомировской эпохи": либералы /тогда это слово означало человека, неизменно вычеркиваемого из списков на подачки и привилегии всякого рода/ - то есть как бы даже "лишеници", которые вдруг

и д и в с и с т е м у, чтобы "работать в ней". - Это не обязательно смешные и не подлые люди, хотя всегда с идеей "прокинуть": прокинуть в ЦК, прокинуть в Комитет...

И прокинули, и "внесли свой дух"... а такого раз встретил среди следователей... - У них ведь тоже была Утопия.

И : Я могу привести еще пример: в 1966м году одна из наших девочек пошла на работу в КРБ. Могу тебе сказать, что она стала там благополучным сотрудником, и на хорошем счету. - Речь идет совершенно о другом.

П : Где гарантии, Вячек? "Плеть слаба..."

И : Читай мои статьи, читай мои письма, суди мои поступки... Я не понимаю логики твоих возражений!..

П : И уточняю для себя. Мне хочется кое-что узнать о тебе и себе.

4.

И : ...Мы вышли на такую вещь.

Мне ясно видится общая идея Утопии, конечные цели и стремления моей персоны... и, как я полагаю, всего Мира. - Это глобальная Утопия. На пути к ней - набор препятствий.

П е р в о е . Утопия может реализоваться только как глобальная Утопия - а Мир неготов к ней в л ю б о м его месте.

В т о р о е . Отсутствие в р е м е н и . Времени - нет.

Реализация Большой Утопии это и есть предотвращение всеобщей катастрофы: катастрофы цивилизации, катастрофы вида Гоме Сапиенс.

Т р е т ь е препятствие: отсутствие инструментальных механизмов для реализации этой Утопии, даже подходов к ней - никаких...

Но сейчас меня интересует Утопия в другом смысле: вот я - живущий человек, я как элемент этой большой Утопии, я как ее работающий механизм... и, тк, группа людей, общество... - Вот о какой Утопии я говорю: об и н с т р у м е н т а л ь н о й Утопии. Иной-премисса, о том, какое место им можем занимать в будущем человечества.

Будущее - это и есть Утопия, это понятно. Моя Утопия - Утопия реализации, Утопия исторического бытия меня, тебя и т.д... вот какой вопрос я тебе задаю, вот чем по сути дела я занят.

...Потому что подступиться к большой Утопии я не могу, здесь нужны объединенные усилия очень многих людей, громадный потенциал. Одному реализовать это невозможно.

П : Надо полагать, это вопрос ко мне? Мне так нелегко. У нас с тобой, после короткого, заочного и почти платонического романа в письмах /81-82гг/ возникло новое расхождение... расхождение в негативном смысле слова, потому что личного отталкивания, недоверия к тебе у меня нет... - Но есть новое несхожести - слушаю тебя, и их ощущаю.

Ты, вот, хотел бы вестинами провинциальные делшки в глобальный контекст... В 1981 году и мне казалось это возможным, доступным для прямых начальных усилий, для немедленного старта... Для проекта, который из личного разовьется в общий для некоторых лиц.

Я испитал, и сегодня знаю, что это была вообще не Утопия, а простая иллюзия, - с моей стороны, конечно.

Сегодня я нахожу в себе рассогласованность движений - но только между мыслью и поступками, но в н у т р и мысли, в н у т р и поступков - и это препятствует согласованию проектов с другими.

И то же и замечаю в тебе, в Вите Сохарко... Но Витя, кажется, это рассогласование от себя скрывает постулатом "универсальности" своего, совершенно исключительного случая.

Глобальная проблематика, Утении говорит сегодня на одном языке, прагматика на другом - а обе они равно насущны, обе жгутся, обе толкают под локоть, и нельзя сказать, что мы всегда внешне за себя отвечаем.

Мне мнится, что и ты скрываешь эту рассогласованность, или ее не замечаешь. - Ты говоришь то языком Утении, то языком проектов. А перевода с одного на другой нет. Я его не знаю.

И : И я живу эту большую Утению, Большой Компромисс, как и называю ее довольно часто... И в силу этого я - персона мирового значения. - Понятно?... И уже этим самым сопрягается мое бытие и путь к Утении.

Мое существование в России - это и есть путь к Компромиссу.

П : Наши несходства вообще на базе известного совпадения.

Я тоже "мессианская" штука, но у меня это иначе выглядит.

Конец диссидентства для меня - конец оторочки осознания того, что я здесь называл "пигмализмом": т.е. ситуация, созданной обвалом двух историй России - имперской и советской - за один век.

Для меня это не пустая фраза, а личное поражение, обращение великих начал в комедию. Я серьезно отношусь и к марксизму, и к тому, что он испроверг, и к тому, что против него восстало - а сегодня мы движемся в плоскости общего вырождения. Для меня это означает реальную невозможность мыслить и жить.

И : Я понимаю. Но ты живешь - в истории России. Я себя чувствую - живущим в истории Мира.

П : Мир для меня дан в российской оптике, и иначе не может быть дан в принципе, иначе - его нет.

И : Я чувствую свою связь с бораанами или с Динь Шихуанем, м.б. более кровно, чем с Рюриком.

П : Вот с ним, с Рюриком. Мне ближе вторая история России, история советская, потому что ее конец пришелся мне по лбу.

И : Конец - это пока еще гипотеза...

П : ...Для тебя. - Ну, событиями не конец. Я говорю о конце того мифа, в рамках которого работали неплохие головы. Движение - тоже реакция на этот конец, на этом я с ним сошелся...

Два национальных крушения за один век фокусируются для меня в персональной точке конца Движения и личного поражения позапрошлого года. - И тут для меня настает самое интересное, место, где должна быть Утения - а ее нет. Пустое пространство большой Утении, ничем не замещенной, а внутри человек, на котором прекращаются в с е т р а д и ц и и. - Этим и впервые неравен со всяким советским человеком. Я пуст, как пуст всякий, и тем не менее обязан действовать. - Отсюда постоянный соблазн интриги, соблазн ханжи, соблазн действия наобум - и обесценивания этих действий с помощью произвольной манипуляции ценностями. Лыбими. - Это, в пределе, ведет к самым черным результатам, нахнет гибелью людей - вспомни "Бонинг" - но я сам не бываю в яуре беспомощного злодея, и никого не могу осудить. Член Политбюро, если ему приходится действовать, попадет в ту же ситуацию, что и я: наши поступки лишены всяких неоспоримых оснований. Мы оба действуем нетрадиционно, а человек слаб, а соблазн всегда велик...

Для меня это наша общая проблема, равняющая всех в России. Где-то даже я называл такую общность б р а т с т в о м .

88

- И : ...По Орвеллу, что ли, братством?
- И : Как тебе будет угодно. И трудно сказать, кто из братьев старший, может быть - я ...
- И : ...Братство Смита и О'Брайена...
- И : Именно так: братство Смита и О'Брайена - по существу в глубокой жопе на 1984-й год.
 ...Неделю назад я разговаривал с Витой Сокирко, и то же он - мне: ну ладно, пускай мы потерпели поражение, но мы выжили! Движения - и не будем спорить из-за подробностей! - Дана! думать, как нам быть дальше ...
 И не жала в говорить ни о каком "дальше", пока мы не поймали, где мы теперь, не осознали эту свою точку. И можем ли мы ее осознать сейчас? - Осознать так, чтобы это стало не только фактом биографии, а фактом национальной общности? ...
 Возможность восстановления образа мысли, русской речи, сегодня отсутствующей /я подозреваю, сегодня не существует и, ж и в о г о русского языка/ состоит в предумышлении, в пре-живании этой вот ситуации безоперности...
- И : ...Короче говори, мы с тобой сосредоточены на разных проблемах. Ты - на безоперности человека, я - на крушении Мира. в эту
- И : Я не вижу здесь д в у х проблем.
- И : Бред ли можно сказать, что традиционный житель Запада эту "безоперу" так же, как и мы. Но перед проблемой крушения Мира мы стоим одинаково что он, что я.
- И : Оказываясь в реальной ситуации, человек не всегда открыто стоит перед лицом проблем, которые ситуация диктует. - Один открыт, другой не открыт, хотя гибнут - оба.
- И : И тем не менее, угроза висит над всеми.
 Ты - безоперу, а какой-нибудь Джимми Картер, или, более того, т о в а р и щ Рейган - вполне оперны! Это не универсальная проблематика.
- И : Универсальной проблематикой является истина. Иначе большим художником будем считать того, кто пишет больше полетна, великих персон и исторические баталии.
- И : Проблема, которой занимаюсь я, такова, что от нее не уйти никуда, в какой бы точке земного шара, в какой бы точке времени мы не находились. - Она всеобща: гибель Мира, подготавливаемая нашими повседневными усилиями, грядет.
- И : И убежден в этом с семнадцати лет. И что?
- И : Господом Богом мы приведены в этот свет, и мы не вправе рвать за своих детей: быть им или не быть. - Безусловно: об м т з.
 Не наша жизнь дается, не наша она и отнимется. И если мы своей деятельностью эту г бель приближаем, мы должны эту деятельность пересмотреть таким образом, чтобы этого не делать.
 Вот вся моя проблематика. Частная жизнь - вся - растворяется в этой проблеме. Нет у меня частной жизни. - Да, есть и любовь, и работа, дети - все растворяется без остатка, в основной и главной проблеме.
 Нашим детям эта жизнь дарована в той же мере, в какой она дарована нам. И наш долг - долг по рождению, не бытия - предотвратить катастрофу. - Вопрос об оперности, безоперности человека существует, но...

П : Так, как мы теперь действуем, с такими смещенными мотивов, смысле... на языке, на котором мы теперь говорим с другими, с собой не только нельзя толком поставить, а даже назвать эту проблематику правильно - нельзя. - Вот моя зарводная мысль - это, собственно говоря, ...

И : Я - назвал свое проблему.

П : Ты не назвал. Это пустое трясение воздуха.

И : Ничего не знаю. Я говорю: гибель человечества возможна, ...

П : ...В частности, из-за того, что человечество без толку говорит о близкой гибели.

И : Возможно. Вообще все здесь тонкая вещь, но не в том, как говорить об этом.

П : Мы теперь не можем утверждать, какой вид примет катастрофа, хотя она и близка. Мы не подготовлены к ее глубине. Нам язык к ней неготов.

И : Конеч Мира может иметь форму запугивания и попыток его избежать.

П : ...Не надо, Глеб, и этого не понимаю.

П : ...И те же говорят мне Кешител: не надо, Павловский, все это бредни, оставьте... давайте не будем про это. Все это виды самооглушения и ментальной репрессии.

И : Давай лучше без резкости.
 "Нет языка, будем работать над языком..." - Искусственная работа над языком бессмысленна.
 Язык формирует жизнь.
 Жизнь формирует такие простые вопросы, как: гибель возможна...
 Видумать новый язык для формулировки проблем нельзя.

П : Нельзя. - Как вот я его выдумывал в 81-82 гг, а теперь это делается.

И : Надо решить в адекват, а в результате решения формируется язык.

П : Виск, разве человек виноват, приобретая некий опыт? Мой маленький частный опыт последних лет позволил более общий опыт моих взаимоотношений с Редией, Советской Редией - от детства до суда в Лублине. Я увидел некоторую произвольность в суждениях о Мире, о глобальных и политических проблемах, допускавшихся мной и допускаемую другими... Одних она приводит к достойным вариантам поражения, других к недостойным, третьих ведет в палачи.
 Но с м е е и точки зрения, в глубокой зоне равно сидят теперь в с е : от людей достойных и нравственно чистых, до таких, как я.

И : ...Покази! В чем, например, бессмысленность Гинского искуба, Печчен? ...покази конкретно.

П : А есть ли смысл критиковать такие далекие от нас организации? Печчен все же действует не в СССР, и чем дальше...

И : Это не имеет и никакого значения! - Проблема, стоящая перед Печчен, даже если он живет в Милано, и проблема, стоящая перед мной, хотя и живу в Одессе - одна и та же. Мы одинаково ее понимаем и формулируем.

П : Совпадение ряда терминов ты называешь одинаковой формулировкой проблемы...? - Печчен все же не ты, он "центр совхоз утопии", он, например, никогда не был бы диссидентом...

И : ... При чем здесь диссиденты ?? Какое это имеет значение???
 И : - Мир рухнет у и и т с я ... Все: два слова, - Этого совпадения
 недостаточно. Это - главное, все остальное - второстепенно.
 ... Диссидент, недиссидент или участник Сопротивления... - мир
 рухнет ...

И : ... В обстановке бесконечных истерик, которые ускоряют его
 крушение.

И : Неважно: мир - рухнет? да или нет?..

И : Рухнет, рухнет... уже почти рухнул.

И : Значит, и а д е решать эту проблему?

И : Да, надо.

И : ... Все ! - Давайте решать ! ...

И : Вот какое дело. - Причина, из-за которой разные люди, заня-
 тые кто левлей диссидентов, кто левлей селетки, кто "противостоя-
 нием" ... посылают к черту Печен, и Римский клуб, и тебя и меня, с
 нашими "утопиями" - причина эта в общности их и нас.
 Они на деле решают ту же проблему, и для них она столь же гло-
 бальна, хотя называют ее они иначе...

И : ... "Государственная безопасность" ... "маленькая зарплата" ..

И : Да, да, да. И так тоже. Но-видному, эта маленькая зарпла-
 та имеет какое-то отношение к концу света, как и деятельность
 Римского клуба.

И : Совершенно верно. - Ну и что? Почему несостоятелен
 Римский клуб?

И : А я это утверждаю? - Вот видимо, если даже мы не можем со-
 поставить наших проблем в отсутствие общего языка, как мы предло-
 жим их тем, кто вообще не умеет "иметь проблемы"?

На месте невозможности вести диалог - пустота, в пустоте
 встает суетливость. А сделай свей ницету откровенней - и она станет
 ядринком, вокруг которого парастет новая речь, сможет состояться
 и новая Утопия... - У нас вот нет никакой возможности договорить-
 ся. И заметь, эта невозможность тем сильнее, чем ближе мы к
 главному для каждого из нас ...

И : ... Ничего подобного !

И : Давай печене приговаривать "ничего подобного", и скоро мы
 окажемся в такой дрянной компании, как ООН.

И : Совершенно верно. Не ты же сам сразу начинаешь с оценок !

И : ... Да я потому и могу сотрудничать с любой организацией,
 - даже самой северной, что у меня с ними нет и и ч е г о общего -
 кроме общей утраты цели в ходе крушения Утопии, общего отсутствия
 печи - и общей невозможности без нее обойтись. - Вот что универ-
 сально, а ведь всеобщие проекты на паях - иллюзия.
 Мы все в с е беспомощны, мы все делим и никак не поделим свою
 всеобщую ницету...

И : ... И это тоже оценка. - Где твой декавательства? и предло-
 жид свою версию - а где твоя, Глеб?

П : Я уже несколько раз за эти два часа касался того, что считаю главным - и всякий раз приводил тебя в бешенство, сам не зная чем. Разница между нами во много раз меньше наших разногласий, но до истинно различного мы так еще и не дошли. Почему ты полагаешь, что основные наши проблемы нам известны, и уже теперь могу быть названы? Откуда это известно?

И : Никто не знает. Но есть проблемы, которые могут быть названы. И некоторые из них настолько существенны, что обойти их нельзя. Я не утверждал, что могу назвать главные проблемы. Есть проблемы, которые нельзя обойти, их надо решать. И если решил, мы выйдем на проблемы, которые пока еще не названы - да... А предполагать о их существовании, и на этом "основания" не заниматься проблемами, которые нельзя обойти? Я не принимаю такой позиции. Я решаю то, чего нельзя обойти. Может быть, дальше откроется неизвестное...

П : ...Но для меня оно уже открылось! Пусть и не могу его обозначить - но я не могу его и обойти. - Помилосердствуй, Вячек!

И : Это твой частный опыт. А есть опыт Мира - весь опыт Мира. Например, вторая мировая война...

П : Некорректно! - Это событие многоуровневое, у тебя нет монетологии на него. Ты в сущности говоришь о ее значении для личного опыта. "Я - центр своих умов", не так ли?

И : Я говорю о количестве ракет с той и другой стороны.

П : ...Немного демагогии нам не повредит. Вячек, моя позиция куда слабее твоей. Я просто беспомощен перед тем, что мне открылось в последние два года: ей Богу, я не вру. Для меня обозначилась реальность, прежде призрачная, и я хотел бы говорить о ней с другими, так как она общая - и не могу. Вот откуда "проблема языка", а вовсе не хочу я придумывать язык, что за бредня... Ты вправе сказать: ну, и катись в свой Троицко-Печерск, и сиди там, отбивай, или язык...

И : ...Или язык!

П : Условия для этого создает мне МВД... - Вот и Битя Сокирко о том же: ты рухнул, ты просто слемался, бедный, ну и лечи себя, глядишь - и придешь к какому ни есть завалающему "идеалу", тогда нам и нашим.

Не мне судить, наверное, ей вправе так на меня смотреть: но для меня это неинтересно, а немножко другое... Немножко совсем другое..

Ведь мой послеполитеская беспомощность - и даже слеманность - отличается от нынешнего образа мыслей. Прежде всего, моей способностью сегодня твердо - и легко - говорить "нет". И еще способностью слушать, вглядываться в других, ибо наши проблемы вправду универсальны, как ты говоришь - их универсальность основана на том, что ничьих сил недостаточно, чтобы решить чью-либо проблему.

И ты встанешь перед лицом ничтоги сил когда, в твоем смысле слова, "десоциализируешься": поступишь в институт,...

И : ..."Десоциализация" - это два метра земли! Не существует окончания, ты опять все перевиреешь: моя социализация есть непрерывный, бесконечный процесс...

П : Это про жизнь ты говоришь, про судьбу, про путь?

